

2.7. ДИНАМИКА И СОСТОЯНИЕ ГОРОДОВ В КОНЦЕ XX ВЕКА

В конце этой части книги попробуем выявить группы городов по их реакции на новейшие перемены. Современное неравенство порождает условия почти постоянные или унаследованные (размеры, местоположение, инфраструктура, состав населения и экономики, отразившие былые инвестиционные приоритеты) и способность вписаться в рынок в 1990-х гг. От мэра или директора предприятия-лидера также зависят экономическая политика, имидж города, его бюджет, заработки жителей. «Самочувствие» центра часто определяет региональный фон, но он усредняет и упрощает разнообразие локальных ситуаций. В регионах есть свои центры-локомотивы, полюса и образцы роста, а есть очаги кризиса и застоя. Похоже, что на смену типичной для начала кризисного десятилетия регионализации развития, власти, общественного интереса, идут их локализация и «урбанизация».

Городская динамика и миграции

Быстрый рост городов считался нормой в годы урбанизации России, хотя порождал массу проблем. Но темпы падали, иссякали потоки сельских мигрантов, города реже возникали «с нуля». Новые и привилегированные центры (столичные, связанные с наукой и высокими технологиями), обладая мощной строительной базой, лучшими рабочими местами и повышенным на фоне окружения уровнем жизни, все равно росли. Один из примеров — «атомграды», дораставшие до 50 тыс. жит. и более, хотя этого и не требовала трудоемкость основного производства, не говоря о правилах безопасности.

В 90-х гг. города России не только поделились на численно близкие группы растущих (стабильных) и демографически дегрессивных, но и поделили страну на две макрзоны: юго-западную и северную, северо-восточную (**рис. 2.7.1**). Помимо размера города (см. главу 2.6), динамика его населения связана с демографией зон и общим сдвигом миграций на юг и запад (Зайончковская, 1997). В 1996 г. их среднероссийский баланс в расчете на 10 000 резидентов составил +37 человек, а в городах европейской части +51 чел. Вот основные причины этих сдвигов.

1. География кризиса, доходов, цен. Она направила потоки мигрантов в дешевые края, подходящие для ведения натурального подсобного хозяйства. Дороговизна Севе-

ра и Востока выталкивала оттуда пенсионеров и бюджетников; «длинный рубль» как мотив приезда туда из-за инфляции терял изрядную долю смысла.

2. Давний имидж южнорусских регионов как теплых, благодатных краев. К тому же там любое небольшое городское поселение совмещает ряд плюсов городской и сельской жизни.

3. Соседство приточных регионов с местами выхода многих репатриантов, беженцев и обычных экономических мигрантов из горячих точек России и стран СНГ. Это опять-таки касается южного и западного приграничья.

4. Политика региональных властей. Люди стремились туда, где некоторое время удавалось сдерживать рост цен и сохранять социальные гарантии, т. е. в регионы «Красного пояса» (Ульяновская и Белгородская области, северокавказские края). Важна и миграционная политика, прямо влияющая на потоки переселенцев, но тоже разная и переменчивая.

Итак, притягательны регионы и города к западу, юго-западу и к югу от Москвы. Сама она с 1994 г. снова аттрактивна¹, как и почти все центры субъектов РФ, даже тех, откуда горожане вообще-то чаще уезжают; лишь в 10–12 случаях баланс негативен. Велика доля этих центров в миграционном приросте депрессивных Брянской, Ивановской, Кировской, Пензенской, Курганской областей. Но есть регионы, где мигрантов привлекают не столичные, а другие города. В 1996 г. их чистый приток в Сочи был вдвое больше, чем в Краснодаре; его так же опережали Новороссийск и Армавир. Конкуренцию Ставрополю составили курорты Кавминвод, Оренбургу — западные нефтяные центры области и металлургический Орск.

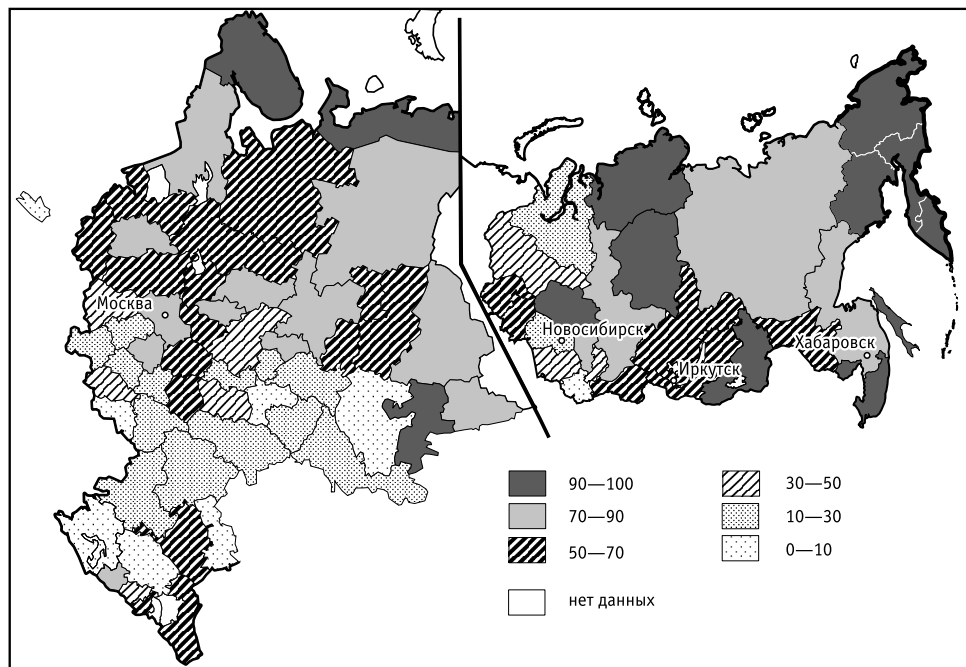
В целом менее 30% городов поменяли в 90-х гг. знак миграций с плюса на минус или наоборот, у большинства из них знак все тот же. Вместе с тем в стране немного регионов с одними отточными либо приточными городами, и контрасты особенно сильны в средней европейской полосе, где часто соседствуют города с полярной динамикой.

Дегрессивные и растущие города в конце века

Если раньше город не рос, то это наверняка означало его неблагополучие и могло использоваться для выявления депрессивных (переживавших общий упадок) советских городских поселений. Так, Р. Роулэнд (Rowland, 1980; 1994) выделил города и поселки размером от 15 тыс. жителей (ценз задавала тогдашняя доступность данных) с убылью населения в течение трех межпереписных периодов: 1959–1970–1979–1989 гг., назвав их демографически дегрессивными. Их число колебалось в России от 100 до 125 ($\frac{1}{7}$ – $\frac{1}{8}$ всех городов данного размера), причем 40% постоянно попадали в список дегрессивных и 70% потеряли часть жителей за все 30 лет. Сперва это были небольшие угледобывающие и пристанционные поселения, чаще сибирские (города там быстро росли, но рано проявилась поляризация их динамики). К ним добавлялись текстильные, лесопромышленные и другие городки, а то и большие города в европейской части. Однако достижение порога в 250 тыс. чел. пока гарантировало городу продолжение роста.

¹ См. главу 2.6.

Рис. 2.7.1. Доля городов с убылью населения в 1991–1997 гг., в %

В 1990-х гг., когда урбанизация снижалась, демодепрессивных городов стало куда больше. Выделим их так, как это делал Роулэнд, хотя некоторые отличия в методе неизбежны. По техническим причинам мы начали отсчет не с 1989, а с 1990 г. и размерный ценз отнесли ко всему периоду. У Роулэнда пункт должен иметь 15 тыс. жителей на начальную дату, но в его списках есть ставшие такими позже. Людность в 1959–70 и 1970–79 гг. взята им в границах поселений на конечные даты, а в 1979–89 гг. — в текущих, так как его источник не давал ретроспективных пересчетов. Вклад таких изменений полностью не элиминирован и в 90-х гг. (кроме больших городов, для которых статистика предлагает «новые» цифры, и ряда других очевидных случаев). Пункты упраздненные либо вошедшие в черту больших городов, если это случилось ближе к 2000 г. (как с пригородами С.-Петербурга в 1999 г.), оставлены в нашем списке, а их динамика оценена по имеющемуся отрезку. Это касается и поселений-ЗАТО, данные о которых появились с середины 90-х гг. (у Роулэнда они отсутствуют). Наконец, депрессивными мы сочли пункты, где число жителей сократилось, а сохранившие его с точностью до сотни человек, как в источнике данных для **табл. 2.7.1**, к ним не относим (Роулэнд в этом вопросе непоследователен).

Таблица подтверждает, что эта «инновация» надвигалась на Европейскую Россию с востока. На Урале и за ним доля депрессивных городов еще в 60-х гг. была в 2–3 раза

Таблица 2.7.1. Динамика городского населения и дегрессивных городов и пгт размером от 15 тыс. жит. в России и ее основных районах и зонах

Страна, район или зона	Индекс динамики наличного городского населения, в %				Число пунктов с населением более 15 000 чел.				
					все 1990–2000*	в том числе дегрессивные			
	1959 –70	1970 –79	1979 –89	1990 –2000		1959 –70	1970 –79	1979 –89	1990 – 2000*
РОССИЯ**	132	118	114	98	938–929	102	124	108	527
Европейский Север	132	122	116	91	51–48	2	7	4	41
Центр и Запад***	128	115	111	97	248–240	11	28	27	169
Юго-Запад****	146	122	114	101	145–151	5	7	11	39
Волга*****	141	121	113	101	118–122	5	14	20	48
Урал	121	112	110	98	147–145	35	33	20	90
Сибирь и Д.Восток	130	120	121	95	223–216	44	35	26	140

* Включая ЗАТО и поселения, упраздненные или подчиненные крупным городам к концу периода.

** Включая Калининградскую обл. (вне районов), не имевшую дегрессивных городов в 1959–2000 гг.

*** Центральный и Северо-Западный районы.

**** Центрально-Черноземный и Северо-Кавказский районы.

***** Волго-Вятский и Поволжский районы.

Источники: Rowland, 1994, p. 357 и расчеты автора по: Численность..., 1990; Численность..., 2000.

выше средней. С 4–5-кратным расширением круга таких городов в 90-х гг. их доля в России поднялась до 56%. На Дальнем Востоке она достигла 90%, в Сибири и европейской части близка к средней, только на Севере это 80%, а на Северном Кавказе — всего 20%. Но именно там находятся чемпионы дегрессии — чеченские города (население Грозного за две войны сократилось как минимум втрое). Зато в соседней Ингушетии наличное население городов выросло в 3–5 раз. Появление этих полюсов усилило вариацию городской динамики по сравнению с 80-ми гг., но она ниже, чем в 70-х и ранее, когда быстрый рост многих новых центров уже сочетался с дегрессией некоторых старых².

Сосредоточим внимание на Европейской России (рис. 2.7.2–2.7.4).

В 1979–89 гг. главные полосы дегрессивных и стагнирующих городов протянулись от буроугольных и химических центров Тульской области через Московскую до текстильной Ивановской, по индустриальному Уралу и по Средней Волге. Менее плотны

² У большинства городов-стотысячников давно происходит стабилизация и нейтрализация индексов динамики. В 90-х гг. в 85 городах население росло и в 86 сократилось, причем на 10% и более — только в семи (Грозный и 6 северных), а такой же рост отмечен в 10 центрах (Назрань и ряд городов от Белгорода до Кызыла). Зато в 26 случаях изменения составили от -1% до +1%, тогда как прежде в этот диапазон попадали всего 2–3 центра.

Рис. 2.7.2. Дегрессивные городские поселения размером от 15 тыс. жителей и более в 1979–89 гг.

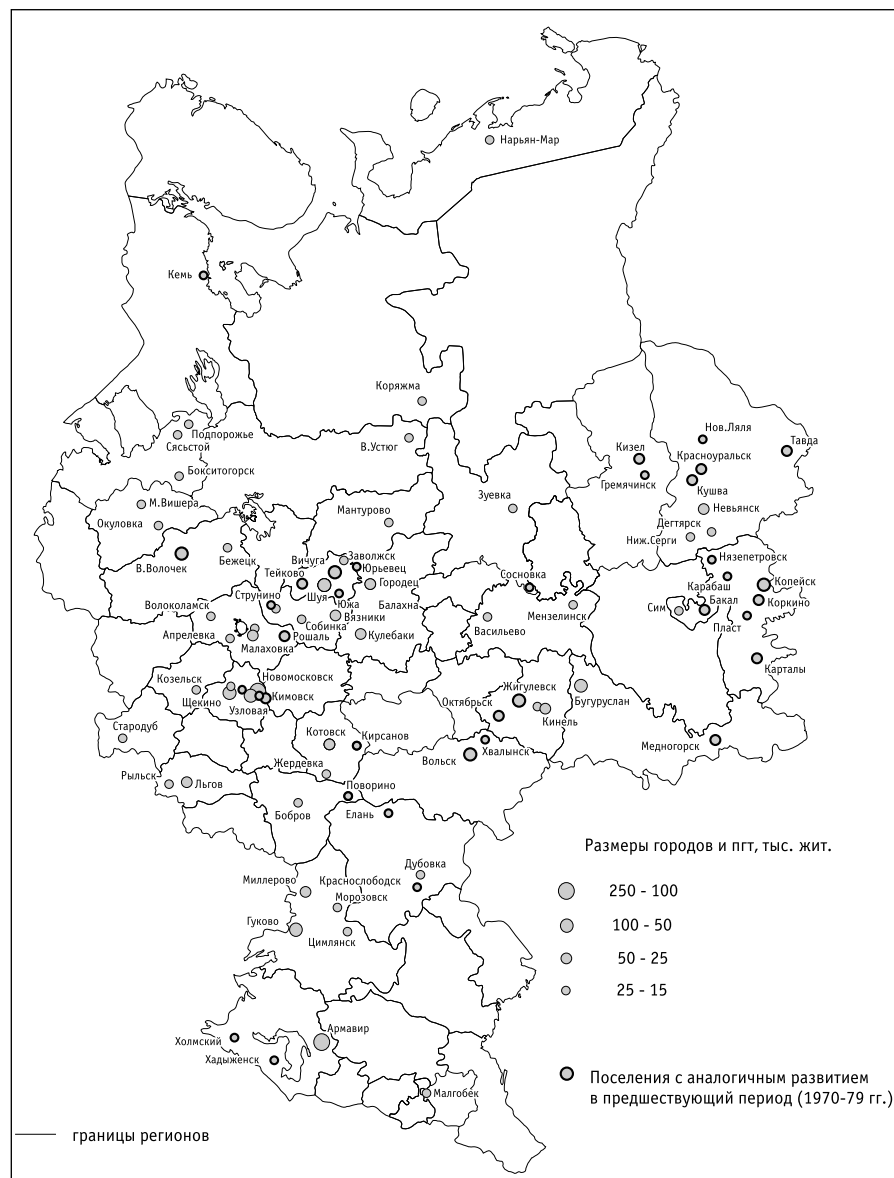
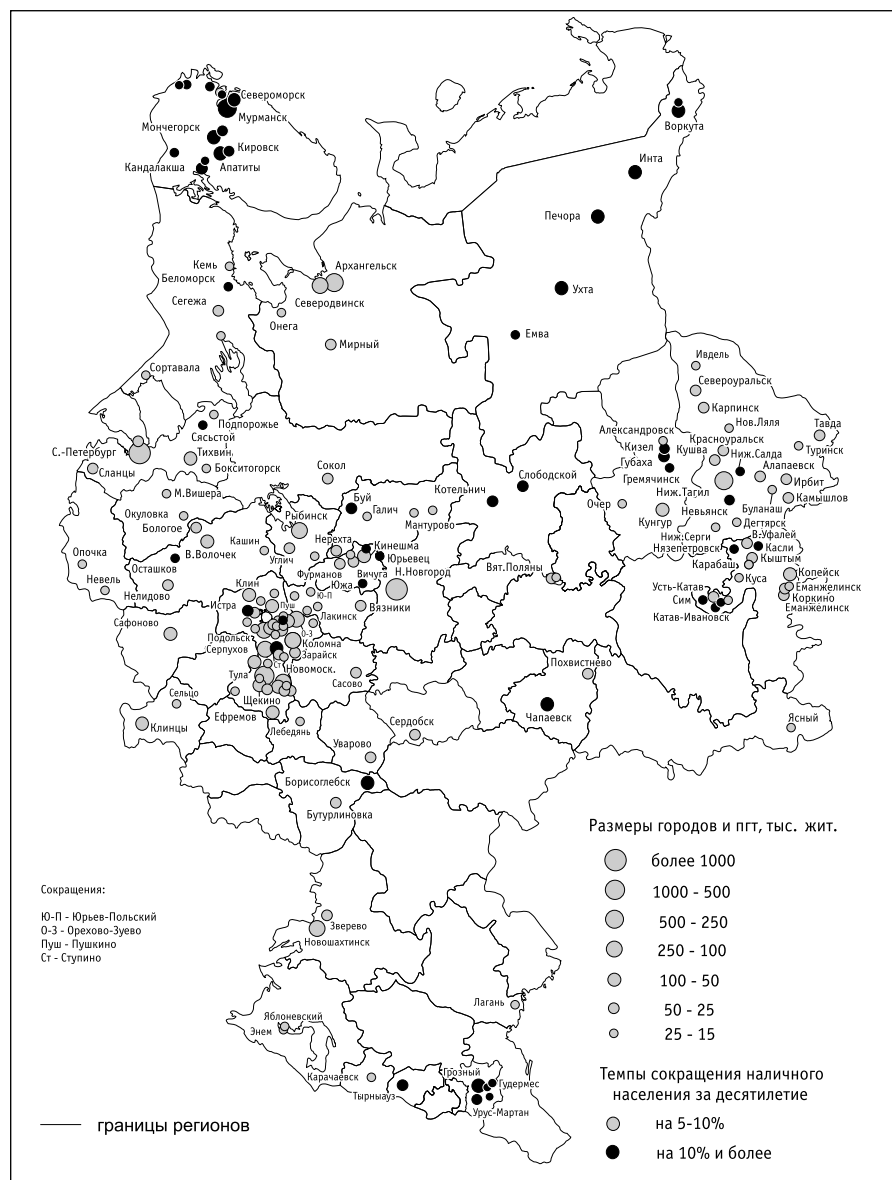
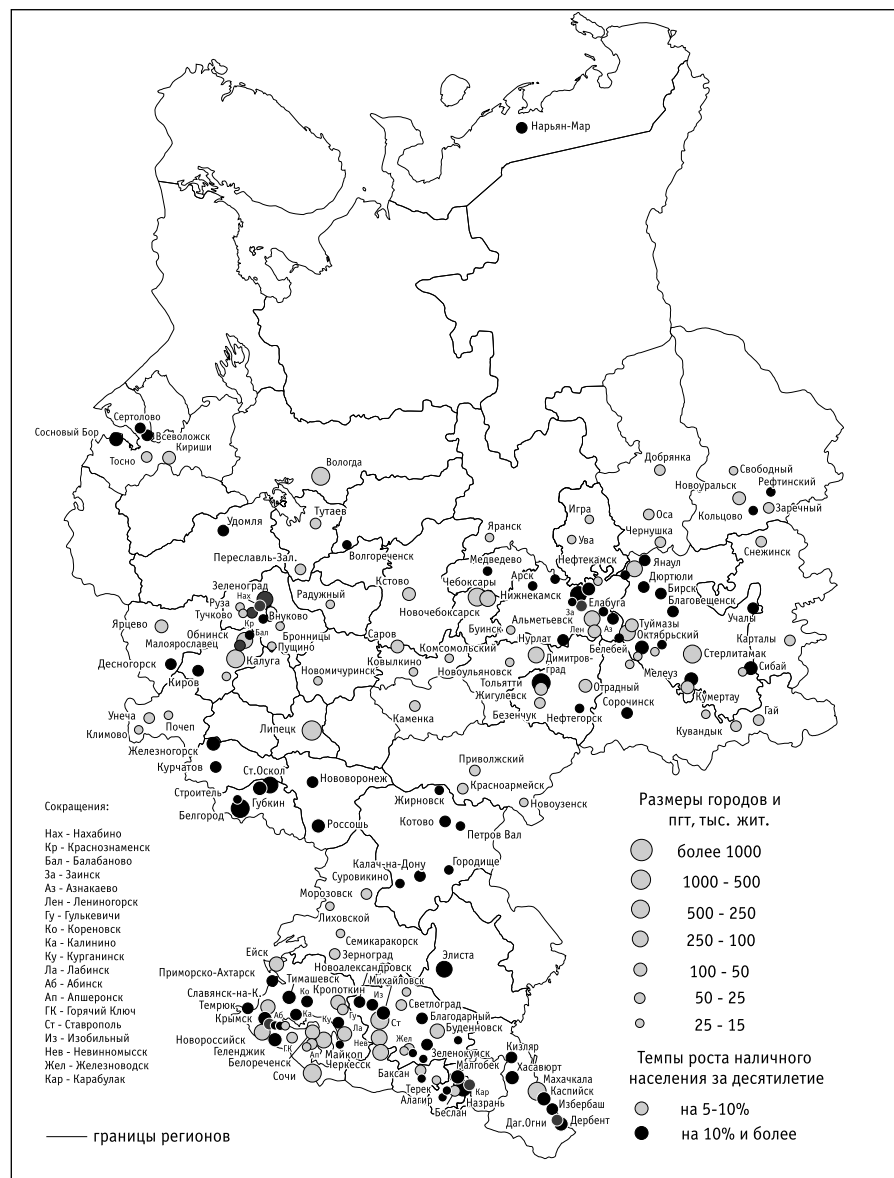

Рис. 2.7.3. Дегрессивные городские поселения размером от 15 тыс. жителей и более в 1990–2000 гг.

**Рис. 2.7.4. Заметно растущие городские поселения
размером от 15 тыс. жителей и более в 1990–2000 гг.**

«межстоличная» полоса, откуда население долго и последовательно выкачивалось, область стыка Центра с Поволжьем и Предкавказская «горловина». Обычно это типичные представители внутренней периферии (например на Тамбовщине). Однако ни один областной центр тогда не попал в состав дегрессивных поселений, большей частью малых и средних.

Показать все пункты заданного размера, где население сокращалось в 90-х гг., на мелкой карте трудно. Произведен отбор центров с заметными потерями: 5–10% и более 10%. Дегрессивных поселений все равно прибавилось, но общая картина не слишком изменилась. Расширились, уплотнились центральная и уральская зоны, другие упомянутые структуры, а между ними число дегрессивных городов почти не выросло. Главные отличия внесены Севером (см. также табл. 2.7.1) и переменной знака динамики у крупных центров, включая С.-Петербург, Тулу, Нижний Новгород. У Москвы индекс по статистике немного не дотянул до -5%. Фактически он еще скромнее: миграционный приток восполняет естественную убыль москвичей в большей мере³. Умеренная дегрессия (официально в среднем -3%) характерна для региональных центров Европейской России. Зато впечатляет дегрессия их окружения. Под Москвой терял население 61 пункт из 80, в том числе 27 — на 5% и более, что связано с еще большим, чем в столице, превышением смертности над рождаемостью.

Итак, никакой размер не гарантирует центру даже стабильной людности. Возникает впечатление, что старый тип дегрессивного промышленного городка сменяет тип крупного центрального вместе с его спутниками. На поверку же они часто совпадают. Все большие дегрессивные города Подмосковья — индустриальные (Орехово-Зуево, Коломна, Подольск, Серпухов), а наукоградов среди них мало (Жуковский). Такая же картина на Урале. Средняя людность дегрессивного поселения на рис. 2.7.3 составила 53 тыс. чел., а заметно растущего — 68 тыс. (2000 г.), т. е. последние все-таки покрупнее.

Сеть городов с ростом населения за 90-е гг. на 5% и более местами выглядит как негативный отпечаток дегрессивной. Север их почти начисто лишен⁴. А вот Северный Кавказ (за вычетом Ростовской области) просто усеян растущими центрами разного размера, статуса и профиля: региональными и местными, промышленными, портовыми, курортными, пригородными. Особо отметим юный г. Михайловск (50 тыс. жит.), образованный в 1999 г. из с. Шпаковского — райцентра, пригорода Ставрополя и самого крупного прежде сельского поселения России. Обычно это следствие миграционного притока, который в середине декады мог в 2–4 раза перевешивать негативный естественный баланс, хотя в Дагестане, Ингушетии и соседней Калмыкии последний и в городах оставался позитивным.

К Средней Волге с Башкирией приурочен другой сгусток растущих городов, включая самый большой из самых динамичных Тольятти, нефтяные и химические центры, столицу

³ См. главу 2.6.

⁴ В Мурманской области нет ни одного растущего поселения заданного размера, в Архангельской — три из десяти (причем только рост центра Ненецкого округа Нарьян-Мара превысил 5%, но зато существенно), а в Республике Коми — два из одиннадцати (Сыктывкар и Сосногорск с весьма скромным ростом).

демографически активной Чувашии. Многие молодые во всех отношениях города здешних республик, подобно кавказским, выделялись на российском фоне естественным приростом, пусть небольшим, к которому добавлялся более умеренный миграционный, в основном местный сельско-городской.

В Центральном Черноземье сеть растущих городов пореже и соединяет в себе черты вышеописанных районов. Почти все города привлекали дальних мигрантов, но заметно росли удачливые экономические центры и те, где некоторый перевес рождений над смертями дополнял приток извне. Таковы, между прочим, города при АЭС: Курчатова и Нововоронеж. Рост вообще характерен для центров энергетики (Удомли, Десногорска, Новомичуринска, Волгореченска) и ряда наукоградов, в том числе закрытых (Обнинска, Зеленограда, Сарова, Новоуральска и др.): сказывается возраст градообразующей базы, жилья, инфраструктуры, да и самих жителей. Их рост наглядно демонстрирует инерционность социодемографических процессов, на которые слабо влияют самые тяжелые фобии XX века.

В окружении столиц все сложнее. Под Петербургом много депрессивных городов во главе с ним самим, но есть растущие промышленные центры (Сосновый Бор, Кириши) и типичные пригороды (Всеволожск). В Подмоскovie зона роста начинается у западного порога столицы и тянется на юго-запад — через Обнинск к Калуге. Так или иначе, заметно отличие от восточного вектора депрессии, хотя не очень многочисленная группа здешних растущих центров весьма разнородна по составу.

Что же стоит за разной динамикой городов в современной России?

Во-первых, *фоновые региональные различия в потенциале естественного прироста и миграций село—город*, связанные с уровнем и давностью урбанизации. Восточные и южные окраины Русской равнины в этом отношении отличаются от ее центра: города моложе, село многолюднее, и урбанизация продолжается на сугубо местной базе, даже без внешней миграционной «подпитки». Как это ни парадоксально (для дилетанта), депрессивные сгустки приурочены к более зрелым, «продвинутым» в ряде отношений районам, и наоборот.

Во-вторых, *межрайонные и межгосударственные миграции*, включая репатриацию из стран СНГ. Из-за них, скажем, Жигулевск и Козельск вместо прежней убыли населения показали рост в 90-х гг. За это десятилетие динамика тоже менялась, чаще в сторону спада (**табл. 2.7.2**). Поселений, терявших население как в первой, так и во второй половине десятилетия, больше, чем росших постоянно, а в главных районах депрессии (Урал, Центр, Север) перевес достиг 2–10 раз. Почти половина тех пунктов, что росли в начале 90-х гг., затем снижали людность, утратив «инерцию» естественного и, что важнее, миграционного (после пика первых «шоковых» переселений) прироста. Случаев обратного перехода от сокращения к росту в Европейской России в 8 раз меньше. Это соотношение еще выразительнее там, где много подросших за всю декаду городов. В Ростовской, Пензенской, Ульяновской, Оренбургской областях пункты со сменой тенденции на «негативную» составили численно ведущую категорию, что, среди прочего, говорит об их неустойчивой аттрактивности и приводит к весьма неутешительному прогнозу о перспективах роста населения.

Таблица 2.7.2. Типы динамики населения городов и пгт размером от 15 тыс. жит. по крупным районам Европейской России в 1990–2000 г.

Районы	Всего по- селений**	В том числе с типами динамики за 1990–1995–2000 гг.				
		РОСТ*	С—РОСТ	СТАГ	Р—СОКР	СОКР
Северный	48	3	3	5	5	32
Северо-Западный	46	10	1	4	6	25
Центральный	202	26	3	11	38	124
Волго-Вятский	42	6	0	6	12	18
Центрально-Черноземный	42	14	1	3	14	10
Северо-Кавказский	113	48	1	12	39	13
Поволжский	81	31	2	13	21	14
Уральский***	143	31	9	11	27	65
ИТОГО	717	169	20	65	162	301

* РОСТ — постоянный рост и переход к нему от стагнации, С—РОСТ — переход от сокращения к росту, СТАГ — стагнация (стабилизация) людности и переход к ней, Р—СОКР — переход от роста к сокращению, СОКР — сокращение и переход к нему от стабильной людности.

** Исключая города-ЗАТО и другие поселения, по которым недостает данных за весь период

*** Включая Курганскую область

Источники: Rowland, 1994, p. 357 и расчеты А. Трейвиша по: Численности.., 1990; Численности.., 2000.

Третий фактор — это *общее состояние города и региона*, их «самочувствие» на фоне кризиса. Но есть ли связь между демографической дегрессией и общей депрессией? Дегрессивных городов нет на весьма благополучной Белгородчине, их мало в Татарии, Башкирии, Краснодарском крае и... в республиках Волго-Вятского района, чье состояние довольно плачевно. Зато там демографически полнокровна и активна сельская местность. На юге к этому добавлялся внешний миграционный приток, дела же в экономике порой шли совсем плохо. В центральной полосе городской дегрессии в полном смысле депрессивно северо-восточное Ивановское крыло, а убыль населения статистика фиксирует и в Москве (по ее же данным, очень благополучном субъекте РФ), и в Нижнем Новгороде.

Любой отдельный фактор проясняет не все, хотя может доминировать. Ситуация в каждом городе не обязательно уникальна, она бывает и типовой, но зачастую резко отличающей город от его ближайшего соседа. Как выживают города разного типа и размера и почему в кризисных условиях конца XX века одни чувствуют себя лучше других?⁵ Как объективизировать их выделение? Об этом — в следующих разделах.

⁵ Одна из попыток такой оценки — статья В. Л. Каганского (1997) о вторых городах, где выделен ряд «активных» городов — опознанных, т. е. входящих наряду с регионами в образ современной России, и менее заметных массовому сознанию. Правда, это авторская выборка, и в нее включены на равных города со знаком минус (беспокойные, социально напряженные) и со знаком плюс (моторы, полюса относительного процветания).

Оценка относительного благополучия городов

Побратимся к паспортам городов России, собираемым Госкомстатом, пусть даже с пробелами и запозданием⁶. Имеющиеся в нем показатели легли в основу семи разнородных базовых параметров для выделения благополучных и депрессивных, «сильных» и «слабых» городов. Они выражены и шкалированы в баллах (естественно, в едином направлении: выше балл — лучше ситуация).

1. *Незанятость населения*, учитывающая: а) официальную безработицу («полная» оценивается по регионам в целом путем выборочных опросов по методике Международной организации труда), хотя в подлинно депрессивных городах типа ивановской Южи даже этот заниженный показатель достигал почти 40%; б) долю всех не занятых в официальной городской экономике, включая пенсионеров, детей, домохозяек, теневиков, челночников-комьютеров и т. п., что повышает этот показатель в городах-спутниках, особенно пристольичных.

2. *Среднегодовой промышленный спад* за 1991–96 гг. (за неимением индекса общей экономической динамики). Вклад этого признака в сводную оценку дифференцирован по доле индустрии в составе работников города. Полностью он учтен там, где в ней занято более 40% (таких городов около трети, в том числе ряд региональных столиц: Тула, Ижевск, Ульяновск), если ее доля составляла 20–40%, значение фактора понижалось вдвое, а для центров непромышленных (ниже 20%; преобладают торговля, транспорт, услуги, туризм, наука, управление) он не учитывался. Из 940 городов лишь в полусотне, чаще в небольших, индустрия росла, причем в верхней части этого списка преобладали города Сибири.

3. *Начисленная зарплата работающего населения* (взамен персональных доходов), отнесенная к *среднерегиональному прожиточному минимуму (ПМ)*. Он, конечно, варьирует по городам внутри регионов, но этих данных нет, а так все же лучше, чем без всякой поправки на цены. Иначе лидерами будут одни северные и восточные города. С учетом ПМ к ним добавилось Альметьевск, Тольятти, Кириши, Череповец, Нижнекамск и др.; обе столицы попали только во вторую сотню (данных о невыдаче зарплаты в городах тоже нет, так что все это — скорее как должно было быть, чем как было на самом деле).

4. *Уровень потребления товаров и услуг*, точнее душевой объем розничный торговли и платных услуг, отнесенный к тому же ПМ по тем же мотивам. Здесь впереди Москва, некоторые региональные центры, успешные промышленные и часто курортные, в том числе небольшие (рядом с Тольятти — Анапа, Пятигорск, Геленджик, Минводы), т. е. города, где обороты этой сферы во многом определяет спрос приезжих.

5. *Капиталовложения* в расчете на одного жителя города. Этот параметр варьирует от десятков миллионов старых (до тысячекратной деноминации) рублей в Вуктыле, Чудово, Малоярославце до смехотворно малых сумм. Гораздо ровнее и ближе к среднеродскому уровню (2 млн руб.) держатся региональные столицы, хотя и тут различия налицо: в Москве около 5 млн, в Петербурге — 1,4 млн руб.

⁶ Напомним, что мы располагаем ими благодаря участию в проекте немецкого Института страноведения и что они содержат данные по 85–89% городов РФ за 1996 г.

6. *Обустроенность городского жилья* как средняя ряда показателей: обеспеченности канализацией, водопроводом, телефоном. Она высока у столиц, их пригородов, некоторых курортов, науко- и атомградов (Обнинск, Пущино, Нововоронеж, Сосновый Бор) и вообще у новых городов. Противоположный полюс формируют в основном малые запущенные города в русской глубинке или в экономически слабых этно-регионах.

7. *Экологическая обстановка* оценена по объему выбросов в атмосферу, отнесенному в данном случае к 1 га городской территории. Контрасты тут огромные, но вклад признака взят с половинным весом, учитывая вытеснение экологических проблем из ряда самых приоритетных более прозаическими заботами о питании и т. п.

Для получения *итоговой оценки* благополучия города частные индексы ранжированы в 10-балльном диапазоне, после чего рассчитана их средняя арифметическая для каждого города. Это привело к усреднению и сглаживанию «острых углов», но ряд сузился не так уж и сильно: итоги варьируют в диапазоне от 1 до 7 баллов. Корреляционный анализ показал, что сильнее других на сводную оценку повлияли уровни потребления, зарплат, инвестиций и безработицы (именно в этом порядке)⁷.

Здоровые и больные: сколько городов и горожан и чем они заняты?

Оценку «7» имеют считанные города: Москва, Тольятти, атомграды Сосновый Бор и Десногорск, да еще якутский Нерюнгри вне Европейской России. В ее пределах оценены 756 городов, и 6 баллов получили 46, или 6%. Это очень разные города, от С.-Петербурга до настоящих крошек с каким-то большим плюсом, фактором силы (например, с нефтедобычей у Жирновска Волгоградской области, таких же городков Коми, Башкирии и т. п.).

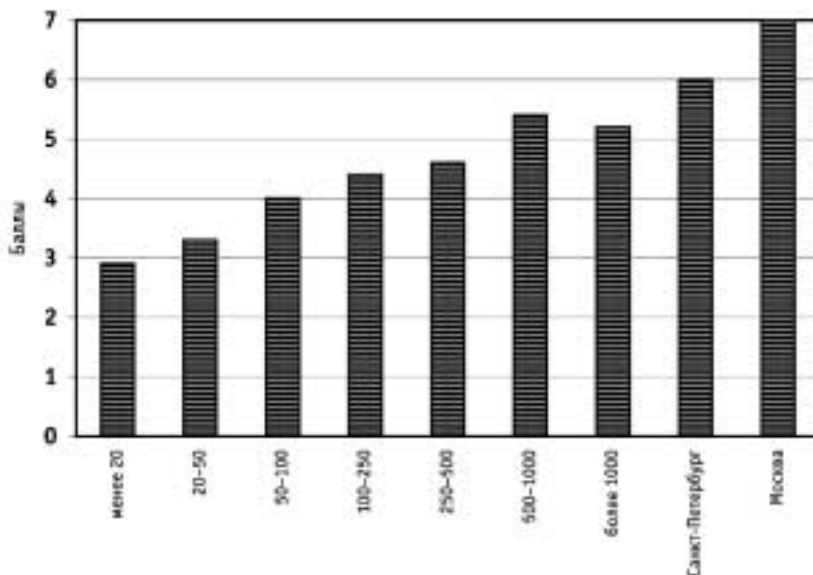
Частотное распределение центров по баллам благополучия оказалось статистически нормальным и даже симметричным. Средние 3–4 балла имеют 442 города, или 58% от их общего числа в Европейской России, где их больше, чем по стране в целом (50%): центры Сибири более контрастны. Городов с баллом «1» столько же (48, или 6%), сколько и отличников с 6–7 баллами, «двоечников» насчитывается 148, «хорошистов» (в нашей шкале это соответствует скорее оценке 5) — 125. Конечно, у нас и здоровые города здоровы лишь условно, но тем вероятнее, что больные — действительно больны. Распределение по числу жителей, напротив, резко скошенное: центры с оценкой 6–7 населяет треть охваченных анализом горожан и еще треть — города с баллом «5». В центрах с 1–2 баллами живет около 6% горожан⁸.

⁷ Парные корреляции между семью признаками невысоки, обычно в пределах 0,1–0,3. Чуть выше (0,4 по всем городам) связь между инвестициями и заработками и между заработками и душевым уровнем потребления.

⁸ Если исключить две столицы, доля населения центров с 6–7 баллами снизится до одной шестой, но зато поднимется доля следующей группы с баллом 5.

Из этих цифр уже видно, что оценки состояния городов растут с повышением класса людности (**рис. 2.7.5**). У городов размером от 500 тыс. жит. средний балл выше 5 (правда, нестоличные города-миллионеры выглядят чуть похуже), а у малых городов до 20 тыс. жит. он ниже 3. Их потребительские рынки зачастую просто убоги, они безденежны почти так же, как деревня. Официальная безработица достигала там в среднем почти 9%, в центрах со 100–500 тыс. жит. она снижалась до 4–5%, у миллионеров и Петербурга — до 2–2,5%, в Москве — до 1% (**табл. 2.7.3.**; напомним, все это на 1996 г.). Малые и средние города с 28% населения сосредоточили 47% безработных. С инвестициями все наоборот: на малые и средние центры пришлось 19% от их общей суммы, а на группу от 500 тыс. жит. (41% населения) — 53% вложений. Что у малых городов в целом лучше, так это экология⁹.

Рис. 2.7.5. Средний балл благополучия городов по группам их людности

Конечно, конкретные случаи бывают всякие. Есть не очень благополучные крупные города, хотя их балл не опускается ниже 4 даже в центрах депрессивных регионов, вроде Ивановского, а есть удачливые малые. Но поскольку малых и средних городов много ($\frac{2}{3}$ списка), велика вероятность встретить среди них полярные типы. Статистическая дисперсия баллов у таких городов вдвое выше, чем в группе от 100 до 250 тыс. чел., и вчетверо выше по сравнению с еще более крупными. В целом *налицо связь между размером города и его состоянием* к исходу века, характерная, судя по всему, и для советского времени.

⁹ По всей видимости, там часто спокойнее и криминальная обстановка, показатели которой не вошли в оценку благополучия из-за их ненадежности (разной степени регистрируемости преступлений и т. п.).

Таблица 2.7.3. Некоторые показатели городов разного размера в 1996 г.

Показатели	Города с населением, тыс. чел.							Столицы		Сумма или среднее
	менее 20	20–50	50–100	100–250	250–500	500–1000	более 1000	Петер-бург	Моск-ва	
Средний уровень регистрируемой безработицы, %	8,9	7,8	6,0	4,8	4,2	2,8	2,2	2,4	1,1	4,2
Доля в общем числе безработных, %	9,8	20,8	16,2	15,6	16,5	9,8	6,0	2,6	2,7	100,0
Душевой объем инвестиций, млн руб.	1,3	2,1	2,0	2,5	1,9	1,9	2,7	1,4	4,9	2,1
Доля в общем объеме инвестиций, %	2,5	10,4	10,0	15,2	13,8	11,6	13,4	2,9	20,1	100,0
Средняя месячная зарплата, тыс. руб.	626	694	765	885	774	843	807	785	964	703
Душевой товарооборот, млн руб. в год	3,4	3,6	3,9	4,7	5,2	6,4	5,7	7,8	22,6	6,8
Доля в объеме товарооборота, %	2,2	6,1	7,0	10,0	13,1	13,6	10,0	5,5	32,5	100,0
Доля в общем населении городов, %	4,4	11,4	12,1	14,5	17,0	14,3	11,8	4,8	9,7	100,0
Доля в числе работников промышленности, %	3,5	10,7	12,6	16,7	17,8	16,7	12,4	3,0	6,5	100,0

Статистический анализ подтвердил поставленную выше под сомнение сопряженность динамики населения города с его состоянием, причем она самая прямая: *чем благополучнее центр, тем заметнее его рост (в 1991–98 гг.), и наоборот — депрессии обычно сопутствует депрессия населения*, начиная с оценки 3 балла и ниже (**рис. 2.7.6**). Частные отступления от этого правила не отменяли его¹⁰. Связь с миграциями менее линейна, но тоже очевидна. Их сальдо в расчете на 10 000 жителей у трех лучших групп городов Европейской России выше +50, хотя максимум (+69) отмечен в группе с баллом 4 (видимо, сказываются барьеры для мигрантов в городах-гигантах, о которых сказано в главе 2.6). С ухудшением состояния сальдо падает не очень резко, но вплоть до оттока (-12) у группы с баллом 1. При этом распределение в европейской части мало отличается от общероссийского, хотя уровень нетто-миграций на западе страны выше (**рис. 2.7.7**).

Экономический профиль города определяется по нашим данным не очень детально. Разумеется, можно выделить столицы республик, краев, областей. Их балл — в среднем 5, и разброс его значений невелик. Нельзя сказать, что это вызвано каким-то одним блестящим параметром, разве что безработица явно ниже средней. По динамике производства, зарплате, инвестициям, взятым в отдельности, их могли обгонять другие ти-

¹⁰ Заметим здесь, что все наши средние оценки не взвешены на население городов. Москва и Десногорск при этом оказываются равнозначными случаями, а сочетание благополучия той же Москвы с ее видимой депрессией — рядовым исключением из указанной статистической закономерности.

Рис. 2.7.6. Динамика населения городов с разными баллами благополучия в 1991–1997 гг.

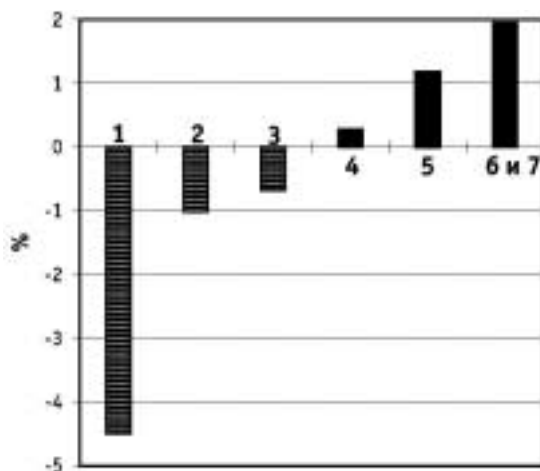
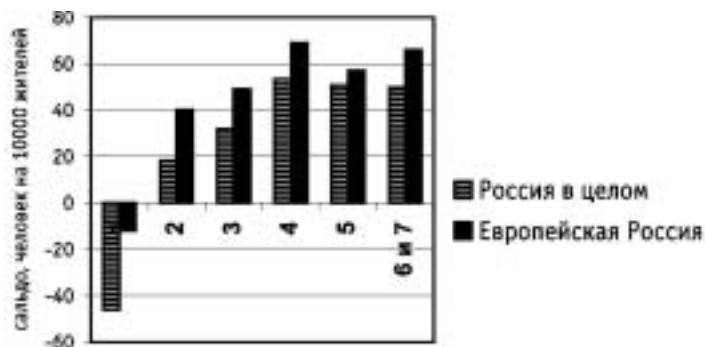

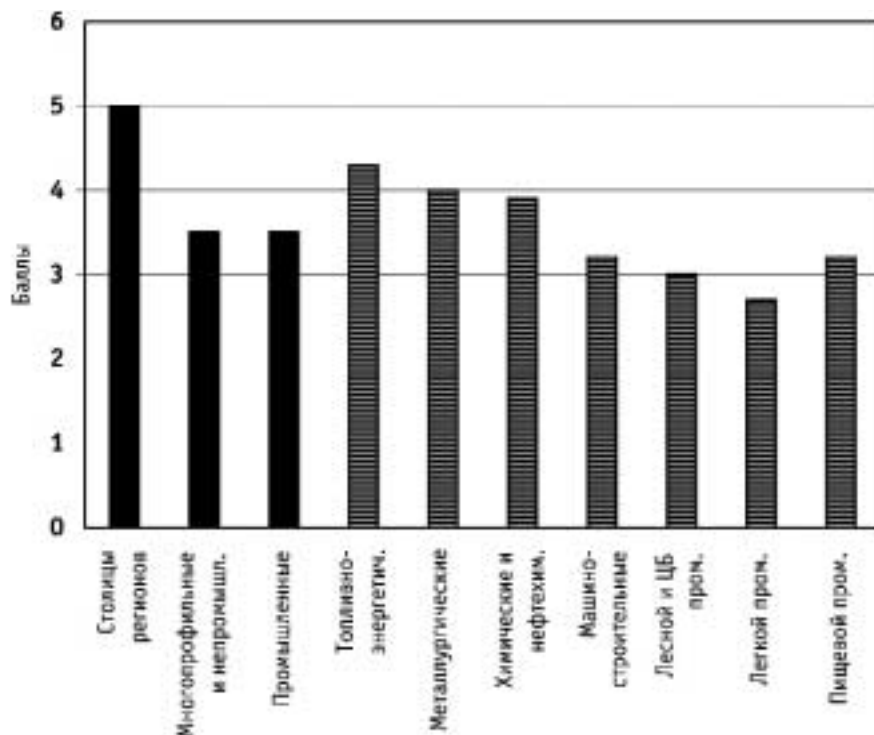
Рис. 2.7.7. Сальдо миграций городов с разными баллами благополучия

пы городов. Дело скорее в умеренном, но дружном улучшении всех признаков. Столицы снова привлекательны для мигрантов, хотя динамика их населения сложилась как слабонегативная (-0,6%).

Средний балл многопрофильных или непромышленных (в индустрии занято до 20%) и промышленных центров (более 40%, а в среднем по группе 51%), которых набралось почти поровну, оказался абсолютно идентичным: 3,5 (рис. 2.7.8). Однако за

Рис. 2.7.8. Благополучие городов России, принадлежащих к разным экономическим типам

этим стоят разные комбинации частных параметров. В городах индустриального типа выше зарплата, а у их антиподов — объемы торговли и услуг: лишний пример несовпадения мест производства и потребления в России. Промышленная динамика к середине 90-х гг., как ни странно, была чуть лучше в непромышленных центрах, и инвестиций на душу населения они получили чуть больше. Они также более привлекательны для мигрантов, и динамика их населения положительна, тогда как у «индустриалов» отрицательна. А вот безработица почти одинакова (7–8%, или вдвое выше, чем в столичных центрах).

Немаловажным фактором оказалась промышленная специализация, определяемая с помощью индексов локализации производства по стандартным агрегированным отраслям. В соответствии с известными представлениями о стабильных и депрессивных отраслях самыми благополучными оказались центры топливно-энергетического комплекса и металлургии (средний балл выше 4), а самыми угнетенными — центры легкой промышленности (2,7 балла). Самый сильный спад производства также отмечен в центрах вто-

рого типа; продукции на одного работника у них раза в три меньше, чем у первых, а зарплата вдвое ниже. Лучше два признака: экология и... нетто-миграции, не включенные в оценку благополучия. В текстильные городки, как и в пищевые (близкие по депрессивности к лесопромышленным и машиностроительным), едут мигранты, так что их население почти стабильно, а у местных агроцентров даже растет. Напомним: их привлекали скромные, дешевые поселения, пусть бедные и депрессивные, зато спокойные. В «процветающие» топливные города тянутся немногие, а из угольных — просто бегут. То же с центрами лесного профиля, хотя их состояние очень разное. Значит, дело не в отраслях, а в территориях, в общем оттоке с севера и востока на юг и запад.

Здоровые и больные: где они расположены?

Колебания средних оценок самочувствия городов по крупным районам не особенно выразительны (**табл. 2.7.4**). Не считая двух столиц, лучшие показатели (выше 4 баллов) отмечены на юге, в Центральном Черноземье и равнинном, русском Кавказе, а в его национальной, горской части он хуже всего (2,7 балла; при их традиционном объединении в общий район все сглаживается). Прочие умещаются в диапазон от 3 баллов в Волго-Вятском районе до 3,6–3,7 на Севере и Урале. Там и в Поволжье выше пестрота внутренних различий (и особенно высока на востоке страны, остающемся за рамками данного анализа).

Уточним картину на уровне регионов — субъектов РФ. Правда, средние баллы городов тоже варьируют не очень сильно и мало где выше 4,5. Это Белгородская и Самарская области, Башкирия, Татария (хотя в базе данных много ее малых городов пропущено). Худшие средние баллы (до 2,5) имеют Ивановская область и республики Северного Кавказа.

Но что такое эти средние и какие различия сильнее — внутри- или межрегиональные? Расчеты показывают, что скорее первые. Коэффициент вариации средних баллов по 73 регионам всей России — всего 0,18. А внутри половины регионов, порой при малом числе городов, он выше 0,40; в десяти — достигает 1,0. Самый пестрый регион — Калмыкия, где очень резко выделяется Элиста, а однородны Рязанская (тут все середнячки), Ростовская область, Башкирия.

Все же это исключения из правила, а правилом является вариация на уровне 0,34, обычно означающая, что сравнительно здоровые города, имеющие 5–6 баллов, соседствуют с неблагополучными «троечниками», «двоечниками» и полными бедолагами. Примеры такого соседства найти нетрудно: Архангельск и Северодвинск, Вологда и застрявший со своим целлюлозно-бумажным комбинатом на 2 баллах Сокол, костромские Нерехта (типичная для ивановской депрессивной воронки) и сосед Волгореченск при Костромской ГРЭС, Волгоград с Волжским (по пятерке) и Котельниково (двойка, обвалившийся судоремонт), кавминводская группа с 5–6 баллами и какой-нибудь недалекий Зеленокумск.

Таблица 2.7.4 Некоторые показатели городов по экономическим районам Европейской России в 1996 г.

Показатели	Се- вер*	Севе- ро- Запад **	Центр ***	Волго- Вят- ский	По- вол- жье	ЦЧР	Сев. Кавказ (респ.) ****	Сев. Кавказ (края и обл.)	Урал	С.- Петер- бург	Мос- ква	РФ в це- лом
Оценка благополу- чия в баллах	3,7	3,4	3,2	3,0	3,4	4,1	2,7	4,2	3,6	6	7	—
Вариация баллов благополучия	0,50	0,51	0,38	0,46	0,58	0,32	0,36	0,30	0,51	—	—	—
Доля в населении городов, %	3,2	3,8	14,8	5,6	12,0	4,7	1,3	7,6	14,6	4,8	9,7	100,0
Доля в числе городов	5,9	7,9	23,1	5,9	9,0	4,7	3,4	6,3	14,4	0,1	0,1	100,0
Средний уровень офиц. безработицы, %	6,0	6,5	6,4	6,6	3,9	4,0	4,0	2,9	4,7	2,4	1,1	4,2
Доля в общем числе безработных, %	4,7	5,6	20,9	9,5	11,3	4,7	1,0	5,1	15,8	2,6	2,7	100,0
Душевой объем инвестиций, млн руб.	2,6	1,2	1,1	1,5	2,0	1,8	1,0	1,3	1,9	1,4	4,9	2,1
Доля в общем объе- ме инвестиций, %	4,1	2,3	7,9	4,2	12,0	4,2	0,6	4,8	13,7	3,4	23,3	100,0
Средняя месячная зарплата, тыс. руб.	932	587	571	500	597	563	380	549	731	785	964	703
Душевой товаро-обо- рот, млн руб. в год	5,5	3,9	3,8	4,3	5,2	5,3	3,2	5,9	2,2	7,8	22,6	6,8
Доля в объеме товарооборота, %	2,6	2,2	8,4	3,6	9,3	3,7	0,6	5,0	10,4	5,5	32,5	100,0
Сальдо миграций на 10 000 жителей	-4	70	51	31	41	87	—	68	28	29	41	29

* Без Карелии и Мурманской области, по которым нет данных.

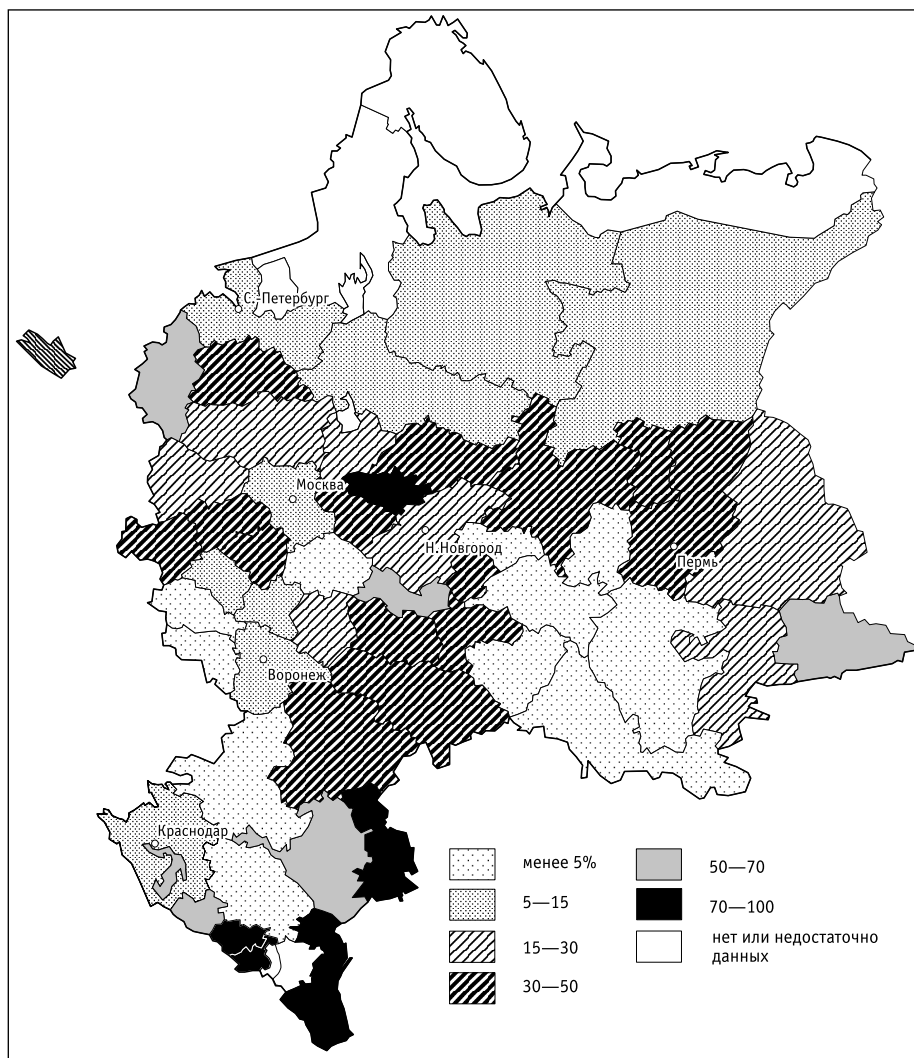
** Без С.-Петербурга.

*** Без Москвы.

**** Без Чечни.

Весьма наглядную картину дает простая мера — доля слабых, нездоровых городов. Она высока в ряде южных регионов, особенно в Осетии (и, конечно, у ее соседей, для которых нет данных), и в Астраханской области, где, кроме Астрахани, было всем городам плохо (рис. 2.7.9). В центре страны, понятно, выделяется Ивановская область, где больше всего (14) больных городов с 1–2 баллами, включая самый крупный из них Кинешму, и нет ни одного «отличника». Ареалов относительного городского благополучия тоже два: Волго-Уральский и идущий полосой из Центра на юг, к Ставрополю.

Рис. 2.7.9. Доля неблагополучных городов в Европейской России, 1996 г., в %

Альтернативы формальным лидерам

Этот вопрос уже затрагивался в главе 2.3, где отмечено, что централизация в регионах по многим признакам за столетие усилилась, оставив глубокий след в расселении. В 79 из 86 субъектов РФ, где есть хотя бы два городских поселения, первое по числу жителей служит местной столицей, превосходя второе в среднем шестикратно. Признаком современной силы этих столиц служит хотя бы тот факт, что они все вместе концентрируют 43% доходов муниципальных бюджетов на 31% населения регионов (Novikov, 1998). Средний балл их «здоровья» составил 5,0, будучи самым высоким во всех применявшихся группировках.

А как же новая, рыночная реструктуризация пространства и городской иерархии в конце XX века? По концентрации штабов 100 крупнейших российских компаний (рейтинг журнала «Деньги» на 01.01.1997) уникальна Москва. Это 22 штаб-квартиры, т. е. пятая их часть, но с капиталами в $\frac{3}{4}$ от суммарного по сотне фирм. Во всей Тюменской области, в разных центрах которой находятся 6 штабов из списка, сумма капитализации в 13 раз, а в Татарстане (4 штаба) — в 30 раз меньше. В Питере их 5, но это в 55 раз меньше капиталов, чем в Москве. Правда, одно дело офисы, другое — реальный сектор. Доля Москвы в промышленном производстве упала так резко, что она теперь и не выделяется среди ведущих регионов. Тут устойчиво росла разве что пищевая индустрия, использующая емкий рынок. Напомним, что во всей России, по данным на 1996 г., в 15 довольно мощных регионах (таких, как Вологодская и Самарская области, тюменские округа, Красноярье и др.) столица уступала другому индустриальному центру или центрам по объему продукции, еще в 10 — имела почти равного ей конкурента, но в большинстве — по-прежнему лидировала (см. табл. 2.3.10 в главе 2.3). Однако индустрия определяет уже не все и не везде.

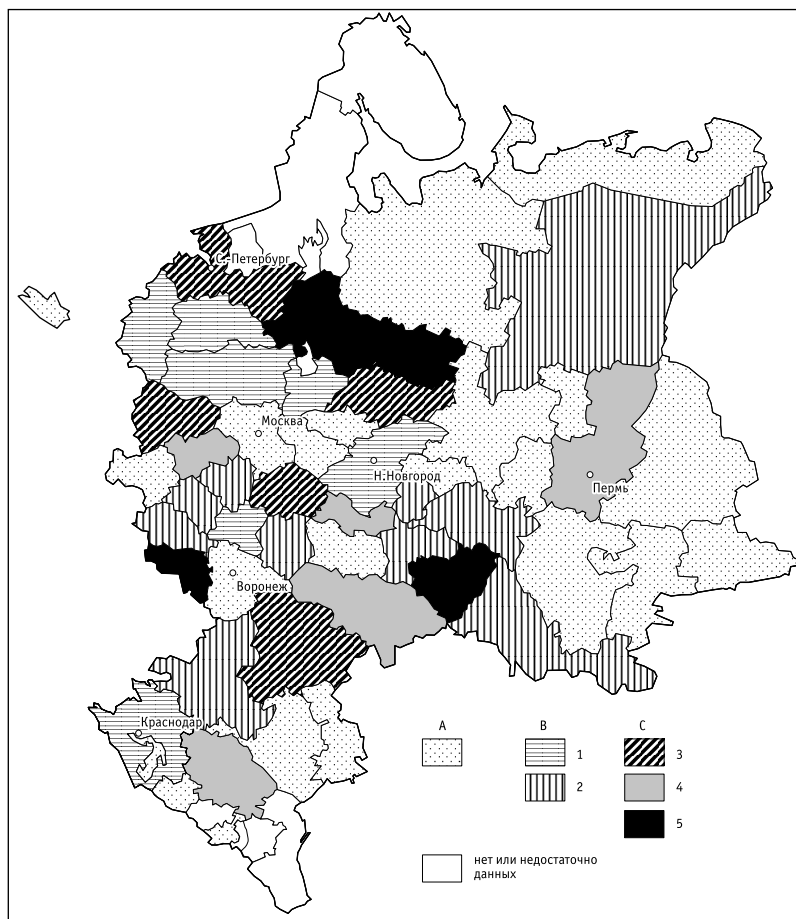
Попробуем сравнить формальные «столицы» и их дублеров, конкурентов в регионах Европейской России по здоровью (все те же баллы) и масштабам (населению). Получается следующая схема (**рис. 2.7.10**).

В 21 регионе из 52 проанализированных, то есть у 40%, столица является самым крупным и лучшим по состоянию городом, опережая любой другой, как минимум, на балл и будучи центром силы и власти, эталоном и полюсом роста в количественном и качественном отношении. Примеры очевидны, причем сюда же отнесен Московский регион.

В 17 регионах есть центры, сопоставимые с официальным по благополучию. Но они резко, на порядок и более, уступают ему в размере (7 случаев), или это типичные вторые центры с населением до 50% от «столичного». Первый подтип представлен целой полосой регионов, протянувшихся чуть севернее Москвы от Пскова до Нижнего Новгорода; примеров второго много на юге, хотя они есть и в других концах России. Столица в этом случае — уже не вполне монопольный лидер.

В 13 регионах формальный центр уступал другим по здоровью на балл и больше, хотя в пяти случаях он гораздо крупнее своего условного соперника, как, например, Пи-

Рис. 2.7.10. Типы регионов по благополучию формальных и неформальных столиц

- А — в регионе нет города благополучнее столицы
- В — в регионе есть центры, сопоставимые со столицей по уровню благополучия:
- 1 — мелкие (менее $\frac{1}{10}$ населения столицы),
- 2 — средние (от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{2}$ населения столицы),
- С — столица уступает по благополучию другим центрам:
- 3 — мелким,
- 4 — средним,
- 5 — значительным (более $\frac{1}{2}$ населения столицы)

тер, чье состояние хуже, чем у Соснового Бора. Еще в пяти «парах» (Калуга—Обнинск, Ставрополь — Пятигорск и др.) конкурентом ему служит меньший, но далеко не малый и качественно лучший центр. Наконец, в трех регионах Европейской России он близок к столице по размеру. Это Череповец (он больше и благополучнее Вологды), Старый Оскол и Тольятти (они поменьше, да получше Белгорода и Самары).

В общем то или иное основание для конкуренции центров имеется в 60% регионов РФ, где в роли местного эталона качества экономики и жизни может выступать не только формальный лидер, пусть превосходящий абсолютной мощью все другие¹¹. Этих других, сравнимых с ним хотя бы качественно, по стране набирается до 85, и их хватило бы почти на все регионы при равномерном размещении. Но на самом деле местами наблюдаются скопления (по 8 в Ростовской и Пермской областях), а все их население (8,5 млн чел.) сильно уступает населению формальных лидеров (35 млн даже без Москвы и Питера). Зато «неформалы» лидируют по ряду относительных показателей. В 1996 г. средний душевой объем инвестиций был у них вдвое выше; индекс динамики населения за 1991–97 гг. составил +2%, тогда как официальные центры потеряли в среднем 0,5%.

Все это несколько смягчает оценку России, особенно западными авторами, как страны неизбывной централизации. Правда, дать на сей счет прогноз нелегко. Где-то укрепление неформальных центров может стать устойчивым процессом, где-то нет. А устойчивость, особенно общего имиджа, аттрактивности города, — важнейший фактор. Отчасти он уже есть у таких городов, пусть небольших, как новгородское Чудово, костромской Волгореченск, калужские Обнинск и Малоярославец, куда стартовые инвестиции притягивают следующие их волны и новых инвесторов. С другой стороны, ко многим городам подходит известное пессимистическое клише: *богатые богатеют, бедные беднеют*.

Это показала даже «вторая волна» кризиса, вроде бы ударившая с августа 1998 г. по рыночным структурам и центрам их скоротечного роста. Если советские директора, лишаясь госзаказа, не спешили увольнять своих рабочих, то новые хозяева вели себя как западные, сразу выбрасывая за борт лишних клерков, брокеров, риэлтеров. Падение вздутых цен на московское жилье также говорило о провале «острова процветания». К тому же девальвация рубля и сокращение импорта в принципе несли облегчение и даже взлет периферийным центрам отечественного производства. Однако спустя пару лет стало ясно, что не все из них смогли использовать этот шанс, а на нищую, безденежную глубинку монетарный кризис не оказал ни особо шокирующего, ни стимулирующего влияния. Нового «нивелирования вниз» не произошло. А уникальные элитные центры, «глобальные города», прежде всего Москва, обнаружили известную непотопляемость в бурях кризиса и приспособляемость к любым условиям. Впрочем, это им свойственно, что называется, по определению.

¹¹ Нечто вроде внутриобластного сепаратизма либо покушений на статус региональной столицы замечалось в 90-х гг. в биполярных регионах, от Псковского и Белгородского до Кемеровского. Споры по поводу дележа налогов шли повсеместно, а не только в этих, вообще-то не типичных для России регионах.

Что добавляют личные наблюдения

Учитывая противоречивый, переходный характер самой российской реальности, нужно признать особую роль посещений, бесед с жителями городов и их начальством, свидетельства местной прессы. Ведь статистика не способна уловить многие, особенно теневые и полутеневые, изменения экономики городов. Например, она фиксирует далеко не все мелкие фирмы, цеха и т. п., возникающие на фоне еле-еле дышащих крупных и средних промышленных предприятий и активно пользующиеся их технологическим и кадровым потенциалом. Этот характерный для конца века «симбиоз» крупных и мелких предприятий в городах в чем-то сродни симбиозу бывших колхозов и личного подсобного хозяйства в деревне¹², да и цель та же — избежать риска и налогов. Отсюда недооценка реальной активности населения и малого бизнеса как в городах, так и в деревне.

Приведем несколько примеров благополучных и бедствующих городов середины 90-х гг. в разных регионах Европейской России.

Волгореченск — типичный островок благополучия в депрессивной *Костромской области*. Прибыльность предприятий раза в три выше среднеобластной, инвестиций он получал почти вдвое больше. Заработки опережали средние московские. Однако на 18–19 тыс. жителей и 7–8 тыс. занятых приходилось 800–900 официально безработных (10–11%, что немало для региона) вследствие известной однобокости профиля. Город зависел от гигантской *Костромской ГРЭС*. Он и возник в 60-х гг. как поселок при ней, сперва административно подчиненный Костроме, но с 1994 г. стал городом областного подчинения, что втрое увеличило его бюджетные доходы: помимо части налога на добавленную стоимость и налога с прибыли, на месте должны оставаться платежи за землю, воду, экологические и др. Более $\frac{9}{10}$ налогов давала ГРЭС (в бюджете области ее вклад доходил до трети), хотя, увязая в неплатежах, часто рассчитывалась с городом натурой. Еще энергостроители задали особые социальные параметры: у многих высокая квалификация, доходы, машины, опыт работы за рубежом. Город и привлекал сравнительно здоровой социальной средой, низкой преступностью, новым жильем, неплохим расположением. Газпром решил построить здесь завод (трубы для газификации и изоляционные материалы по крупновской технологии) на 750 рабочих мест. Это еще больше усилило отрыв Волгореченска от соседей, включая Кострому.

Ближайший райцентр Нерехта — город-антипод. Он больше Волгореченска: 28 тыс. жителей (еще недавно их было за 30 тысяч). И старше: известен с 1214 года, древний центр ремесла и полотняной мануфактуры. Градообразующая база разнообразнее, но лидируют в ней легкая индустрия и машиностроение, пережившие хронический кризис. Район выделялся в Костромской области по показателям спада производства (более 75%) и безработицы (официально 13%). Льняной комплекс на юге области вообще-то потенциально эффективен, но его мощности недоиспользуются. Многие зависело от оборонных заказов, так как даже каблучная фабрика делала детали армейской

¹² См. главу 3.6.

обуви. Их отсутствие тоже вызвало остановку производства и задержки зарплаты, притом самой низкой среди городов региона, а вслед за тем — пенсий и социальных пособий, ибо соответствующие внебюджетные фонды пустели по тем же причинам и все сильнее зависели от внешних субвенций.

Такое состояние типично для текстильных городков, формирующих *Ивановскую зону депрессии*. Местами положение там совсем отчаянное. Символом бедствия можно было считать **г. Южа** на юге Ивановской области (Город, где голодают..., 1997). По размерам копия Волгореченска, он еще раньше Нерехты, с 70-х гг., перешел в разряд депрессивных. И еще сильнее зависит от «кормилицы» — прядильной фабрики, загруженной в разгар кризиса на 20% мощности и задолжавшей городу 4 млрд рублей. Безработными официально числились 38% трудоспособных жителей. Зарплаты, пенсии, пособия не выдавались месяцами. Журналисты отмечали признаки голода и социального одичания. Местная власть могла помочь горожанам разве что участками под огородами, а областной центр нередко задерживал перечисление бюджетных дотаций, на которых подобные места держатся по сей день.

Экономическое благополучие *Белгородской области* сводится к трем буквам — **КМА** (Курская магнитная аномалия), за которыми треть железорудного сырья России. И к трем эксплуатирующим этот дар гигантам: Лебединскому и Стойленскому горнообогатительным и Оскольскому электрометаллургическому комбинату. Т. е. к промышленно-городскому узлу **Старый Оскол — Губкин**.

Вместе эти центры почти не уступают региональной столице по населению: 300 тыс. жит. против 340 в Белгороде. Но именно их рудно-металлургический комплекс, обросший массой попутных и побочных производств (от тонкодисперсного мела на базе вскрышных пород до молока, сыра, мебели, джинсов), давал в середине 90-х гг. 55% промышленной продукции, свыше 60% доходов областного бюджета и 95% экспорта. За пару дней в Старом Осколе приезжий непременно слышал речи о том, что экономической столице региона надо бы стать его формальным центром. В Белгороде, мол, только лежащие заводы да учреждения (больницы, театры, институты), которые все равно финансируют оскольские доноры, но не пользуются ими, так как у них все свое и лучшее. Здесь даже издают больше газет. Недовольство промышленных магнатов вызывало и то, что 20% наполняемого ими бюджета губернатор-аграрник тратил на сдерживание цен, распыляя средства по безнадёжным колхозам.

В пригородных зонах, скажем под Петербургом, есть свои полюса благополучия и бедствия. Первые — это опять две ключевые аббревиатуры: **КИНЕФ** (Киришинефтеоргсинтез) и **ЛАЭС** (Ленинградская атомная электростанция) и два адреса: **Кириши** и **Сосновый Бор**. Эти средние города (55–60 тыс. чел.), притом растущие, давали в се-

редине 90-х гг. более половины промышленной продукции и прибыли Ленинградской области. При высокой для российского региона децентрализации ее бюджета, его рассредоточенности в основном по городам областного подчинения (из-за отсутствия в нем центра: функционально это Питер, но формально он им быть не может), особого местного благополучия там не наблюдалось.

Конечно, в Киришах, ставших городом с 1965 г., когда был пущен КИНЕФ, и в еще более молодом Сосновом Бору (дата рождения города и Ленинградской АЭС — 1973) жилье, инфраструктура и сервис далеко не худшие, но висят на балансе предприятий. И эта проблема типична для центров-доноров (тех же Волгореченска и Оскола): с них не спешили снять этот груз, а заботы о нем, конечно, не были приоритетными. Пуск в Киришах дочернего завода моющих средств по американской технологии обошелся в 300 млн долл., но миллиона на достройку фабрики детского питания не хватало. Типовой является и проблема ножниц зарплаты между рабочими и бюджетниками, у которых она вдвое ниже. Так, на содержание медицинских учреждений отрывали часть зарплаты у врачей, и им в этом дорогом городе жилось хуже, чем в других, дешевых. Не забудем и экологию. На ЛАЭС такие же реакторы, как в Чернобыле, после катастрофы в котором новости Петербургского телевидения долго завершала сводка о радиационной обстановке в Сосновом Бору (обычно нормальной). А Кириши прославились в 80-х гг. успехом «зеленых», добившихся остановки биохимзавода (правда, не очень долгой).

Зона неблагополучия и бедности — восток Ленинградской области. Это «алюминиевая тройка»: **Бокситогорск, Тихвин, Волхов**. Их ресурсы давно истощены, фонды изношены, Бокситогорск и Тихвин стали завсегдатаями депрессивных списков. Еще хуже ситуация в **Подпорожье**, где искал работу каждый шестой трудоспособный (в вышеупомянутых районах, а также в Сланцевском — каждый десятый). Зато в очень бойкую зону превратился Карельский перешеек и его главный центр **Выборг**, через который шел поток людей и грузов из России в Финляндию, страны ЕС и обратно. Правда, в конце 90-х гг. разразился скандал по поводу владения здешним ЦБК со спиртоводочным «привкусом». Впрочем, если собственность делят, значит она кому-то нужна. Кстати, за схваткой в Выборге последовала похожая в **Качканаре**, одном из самых лакомых кусков Свердловской области...

Благополучие «богатых» городов воспроизводится за счет внешних инвестиций (мотивом притока которых служит само благополучие), активности удачливых предприятий. У них есть свои типовые проблемы, но не идентичные проблемам слабых и дотационных поселений. Города-доноры, как и доноры-регионы, пытаются координировать свои действия, объединяться для защиты похожих интересов. Труднее ждать таких действий от городов с симптомами и синдромом нищеты. При подобии проблем у них разные (областные) источники помощи и гораздо меньше самостоятельности, инициативы.

Следуя формуле Льва Толстого, можно было бы сказать, что все несчастные города несчастливы по-своему, если бы в причинах и следствиях их бед не проступали отраслевые и демосоциальные закономерности. Одно из самых страшных последствий — ка-

чественный износ человеческого капитала, упадок духа и надежды, присущие городам вроде Южи с долгим депрессивным стажем. Чисто количественная дегрессии населения по-разному сочетается с качественной социально-экономической. Но связь между ними есть, и это тоже симптом, особенно для малого города в демографически «полнокровном» регионе.

* * *

Напоследок добавим, что город у нас есть нечто большее, чем просто город, особенно если сам он большой, а тем более столичный. Вспомним о том, что советская эпоха началась переворотом в Петрограде (потом по стране долго гуляла кровавая война) и закончилась событиями 1991–1993 гг. в Москве (на которые страна тоже взирала со страхом и недоумением).

В городах XX века, в отличие от дореволюционных и от деревни (см. главу 3.5), фактически исчезло общинное, социальное самоуправление. Его заменило управление сверху, включая всю систему советской власти, взяв на себя роль организатора жизни и быта, контролера и цензора повседневного поведения обывателей. Распад системы, сопряженный с резким ослаблением контроля, обнажил всяческие социальные патологии, но резко усилил степень индивидуальной свободы, немыслимой при более жестком «низовом» контроле (в том числе в западных городах с их коммунальной традицией). Правда, воспользоваться ею могут далеко не все.

Города разного ранга — это и теперь командные центры территорий, часто обширных, аморфных и обезлюдивших в ходе векового стягивания населения в города и поближе к ним. Порой это единственное место, где теплятся товарное производство и обмен, где есть некие учреждения и где еще можно встретить к вечеру трезвое лицо мужского пола. Однако общая деградация глубинки захватывает и малые центры. Быть может, нижние звенья городского расселения — как раз ее главные жертвы (об этом как-то говорила Ж. А. Зайончковская; близкие суждения есть у других экспертов), сильнее деревни страдающие от распада внешних связей, системы разделения труда. Усиленная кризисом замкнутость, «запертость» населения и даже элиты вела к регионализации и локализации общественной жизни, обостряя различия в ней от места к месту, сужая спектр социальных ролей и возможностей.

Хотя налицо быстрое расслоение городов, аттрактивных, судя по балансам миграций, стало немногим меньше, только большой приток или отток уже редки. Город привлекает меньше приезжих, удерживая собственных жителей. По-настоящему исчезающих городов, в отличие от сел и поселков, даже сейчас почти нет. В половине регионов центром и моделью роста служит не только «столица», что делает сомнительным клише о ее противостоянии всей своей периферии как «деревне». На самом деле это экономически сильный город с его бизнес-группами. Рычаги его влияния — денежные, а у столицы региона — административные. Они тоже позволяют улучшать социальную инфраструктуру,

поднимать балл благополучия, имидж столицы и шансы ее лидера на выборах главы области (Смоленской, Саратовской, Нижегородской и др.). Есть и случаи побед ставленников неформальных центров (так, мэр Череповца стал главой Вологодчины).

Регионализация власти и собственности в России очевидны, а дистанция между ними так мала, что рождает аналогию с феодальными уделами (Латынина, 1998 и др.). Однако где-то царит губернатор, а где-то глава компании, что куда ближе к индустриальным «доменам» Форда и Круппа почти вековой давности, т. е. к «дикому капитализму». Кризис 1998 г. укрепил позиции политиков-бизнесменов, оттеснявших бизнесменов-политиков с помощью искусственных банкротств и т. п. Начавшийся затем подъем может активизировать попытки реванша предпринимателей, рвущихся к политической власти.

И все же ни одного перехвата местной шапки Мономаха, т. е. «столичного» статуса, одним центром у другого де-юре пока что не отмечено¹³. Видимо, не только из-за сохранения в регионах властной вертикали, но и в связи с тяжестью этой шапки.

¹³ Если не считать Манала – новой столицы Ингушетии, строящейся неподалеку от действующей столицы Назрани.

Часть третья

Деревня